

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

1871 г.

ТОМЪ IV.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Печатня В. И. Головица, Владимирская, д. № 15.

1871.

УБИЙСТВО ЛЮБОВНИЦЫ ГРАФА АРАКЧЕЕВА НАСТАСЬИ ШУМСКОЙ.

10 сентября 1825 года.

(Разсказъ по подлинному сенатскому дѣлу).

Александръ Николаевичъ Неустроевъ передалъ въ распоряженіе редакціи «Русской Старины» записку изъ дѣла о бывшемъ новгородскомъ гражданскомъ губернаторѣ, дѣйствительномъ статскомъ совѣтникѣ Жеребцовѣ, преданномъ суду, по высочайшему повелѣнію, за безпорядки и неправильности по дѣлу «объ убійствѣ домоправительницы графа Аракчеева, Шумской». Записка эта печатная, въ листъ, и заключаетъ въ себѣ 85 страницъ, изъ которыхъ, начиная съ 69 до конца ея, заняты выпискою подлежащихъ къ дѣлу законовъ; составлена она была для членовъ общаго собранія сената при сужденіи о дѣлѣ Жеребцова.

Сообразно цѣли, для которой составлена, записка содержитъ: поводъ послужившій преданію суду Жеребцова, развитіе этихъ основаній по пунктамъ обвиненія, подкрѣпленное извлеченіемъ изъ дѣла, отвѣты Жеребцова, а также справки изъ дѣла объ убійствѣ Шумской и другихъ произшествъ, изложеніе нѣкоторыхъ документовъ, на которые ссылался подсудимый, и мнѣнія сенаторовъ о винѣ Жеребцова.

Изъ этой массы свѣдѣній, съ неизбежными повтореніями мѣстами одного и того же, расположенныхъ въ такомъ порядкѣ, который казался составителю доклада наиболѣе удобнымъ для обзорѣнія вины Жеребцова, необходимо было составить насколько возможно полное и точное изложеніе дѣла объ убійствѣ Шумской, со всѣми его послѣдствіями. Трудъ этотъ, по нашей просьбѣ, исполненъ сотрудникомъ «Русской Старины» Аркадіемъ Гавриловичемъ Пупаревымъ.

Строго придерживаясь только тѣхъ данныхъ, которыя заключаются въ запискѣ, г. Пупаревъ, при изложеніи настоящаго дѣла, нигдѣ не уклонился отъ официального источника. Онъ дополнилъ его лишь нѣкоторыми выдержками изъ писемъ Аракчеева къ Александру I, помѣщенныхъ въ прил. къ VI т. «Исторіи царствъ Александра I и Россіи въ его время», соч. Богдановича, двумя письмами государя отъ 3 октября 1825 года, изъ которыхъ копія съ посланнаго къ Аракчееву, свѣренная имъ самимъ, была передана Аракчеевымъ генералу Маевскому, и сыномъ его сообщена намъ, а копія съ адресованнаго къ архимандриту Фотію доставлена въ редакцію «Русской Старины» Николаемъ Петровичемъ Степановымъ, — и пояснительными свѣдѣніями изъ официальныхъ архивовъ. Г. Пупаревъ въ настоящемъ разсказѣ нигдѣ не впадалъ въ

изложеніе собственныхъ, или постороннихъ взглядовъ. Такой приемъ въ передачѣ подробностей этого весьма характеристичнаго эпизода изъ эпохи всемогущества Аракчеева, тѣмъ болѣе необходимъ, что въ нашей литературѣ существуетъ нѣсколько рассказовъ о томъ же событіи, но такихъ, въ которыхъ истина совершенно затемнена выдумками досужихъ авторовъ.

Такимъ образомъ кровавое дѣло суда и казни виновныхъ въ убійствѣ «знаменитой» въ свое время «Настасьи» впервые является въ печати безъ малѣйшихъ отступленій отъ исторической истины, въ той, впрочемъ, мѣрѣ, въ какой вѣрять официальный источникъ.

Ред.

I.

Въ 6-мъ часу утра, 10 сентября 1825 года, въ вотчинѣ генерала отъ артиллеріи графа Аракчеева, въ селѣ Грузинѣ, въ сѣняхъ маленькаго и низенькаго деревяннаго флигеля, въ которомъ помѣщалась домоправительница графа, Шумская, — комнатная ея дѣвушка Прасковья Антонова объявляла всѣмъ проходящимъ, что она убила Шумскую.

Входившіе во флигель нашли Шумскую съ перерѣзаннымъ горломъ, мертвою, лежащею на полу. Видно было, что совершеніе преступленія застало ее на канapé, гдѣ она спала и что она сопротивлялась убійцѣ. Въ комнатѣ убитой нашли обрваненный кухонный ножъ.

Скоро разнеслась вѣсть объ этомъ между дворовыми, жившими въ флигеляхъ же подлѣ того, который занимала Шумская, и напротивъ его, чрезъ пятисаженную дорогу. И сначала, не всѣ вѣрили, чтобъ 21-лѣтняя Прасковья могла одна совершить убійство. Кухмистеръ Иванъ Аникіевъ, считая участницею въ томъ старшую дѣвушку при Шумской, Аксинью Семенову, жестоко избилъ ее тогда же.

Немедленно донесли объ убійствѣ графу Аракчееву, находившемуся тогда въ военномъ поселеніи, и графъ, пораженный извѣстіемъ, воротился домой.

Убитую стали готовить къ погребенію. Одинъ изъ поваровъ, родной братъ Прасковьи, 20-ти-лѣтній Василій Антоновъ приготовилъ кутью, поставилъ ее предъ умершею и удалился со всѣми признаками набожности.

Графъ приказалъ произвести слѣдствіе, и, въ отчаяніи „о потерѣ вѣрнаго друга, жившаго у него въ домѣ 25 лѣтъ“ *), писалъ импе-

*) Такъ Аракчеевъ называетъ Шумскую въ письмѣ своемъ къ государю. Не лишнимъ считаемъ замѣтить, что жена Аракчеева, графиня Наталья Федоровна пережила мужа. Въ 1838 году, она домогалась получить свидѣтельство на залогъ имѣнія своего, Новоладожскаго уѣзда въ деревняхъ Выставѣ и Бору, всего 61 душ. муж. пола, полученнаго ею въ наслѣдство отъ матери, полковницы Елизаветы Ивановны Хомутовой. На этомъ имѣніи, а также по имѣ-

ратору „...я одной смерти себѣ желаю и нищу, а потому и дѣлами никакими не имѣю силъ и соображенія заниматься..... Друга моего зарѣзали ночью дворовые люди, и я не знаю куда еще осиротѣвшую свою голову преклоню; но отсюда уѣду...“

Быстро производилось это первое слѣдствіе, и мы ограничимся пока короткимъ изложеніемъ добытыхъ имъ результатовъ.

Орудіе убійства — кухонный ножъ оказался принадлежащимъ Василью Антонову. Осмотрѣли Антонова; все платье и руки его были въ крови. Улика на лицо и заператься нельзя.

II.

Оказалось, что Шумская жестоко наказывала Прасковью Антонову и прочихъ дѣвокъ, что, недѣли за три до совершенія преступленія, составилъ заговоръ на жизнь Шумской, въ которомъ участвовали, кромѣ убійцы Василья Антонова и содѣйствовавшей ему въ преступленіи сестры его Прасковьи, комнатныя дѣвушки Ивановы: Татьяна, 17 лѣтъ, и Федосья, 19 лѣтъ, дворовая женщина Дарья Константинова, 30 лѣтъ, кантонистъ Илья Протопоповъ, и что про заговоръ знали: несовершеннолѣтній братъ Антоновыхъ, Николай да дворовая же Елена Фомина, 48 л. Василій Антоновъ съ сестрою и Ивановы добровольно сознались, и изъ нихъ трое оговорили Дарью Константинову, что она была согласна на убійство и общала за то Василью Антонову 500 руб. Впрочемъ, Константинова созналась тогда только въ знаніи о намѣреніяхъ преступниковъ и въ передачѣ о томъ Еленѣ Фоминой. Елена же утверждала, что хотя и слышала отъ Константиновой о намѣреніи прочихъ убить Шумскую, но не объявила слышанномъ, не надѣясь, что преступленіе совершится.

Кантонистъ Протопоповъ преданъ военному суду, несовершеннолѣтній Николай Антоновъ отосланъ въ совѣстный судъ, а о прочихъ шести подсудимыхъ дѣло поступило въ новгородскій уѣздный судъ. Оттуда перешло въ новгородскую уголовную палату и здѣсь, 5 октября, состоялся приговоръ о шести подсудимыхъ. Приговоръ утвержденъ согласіемъ губернатора Жеребцова и, 8 октября того года, обращенъ къ исполненію въ губернское правленіе.

Вскорѣ, однакожъ, исполненіе приговора палаты было приостановлено губернаторомъ. 9 октября, новгородскій земскій исправникъ Лялинъ объявилъ Жеребцову, что замѣтилъ по виду беременность пре-

нію въ Винной Рѣчкѣ, оказались запрещенія изъ 55 на 32 душахъ, по принятію, въ 1829 году, графиню долговъ своей матери по нѣсколькимъ займамъ, всего на 3,224 р. 50 к., и выдача свидѣтельства не состоялась. (Изъ арх. 1 деп. СПбургской гражд. пал.).

ступницы Дарьи Константиновой, которая это отрицаетъ, что тоже замѣтилъ и засѣдатель уголовной палаты Мусинъ-Пушкинъ. Потому, въ виду того, что она осуждена къ наказанію вѣнцомъ, исправникъ счелъ себя обязаннымъ, по должности, предостеречь губернатора, чтобъ впоследствии не подпасть подъ отвѣтственность.

Между тѣмъ, графъ Аракчеевъ получилъ, 1 октября, высочайшій рескриптъ, посланный изъ Таганрога 22 сентября 1825 г. Государь писалъ къ Аракчееву*):

„Любезный другъ!

„Нѣсколько часовъ, какъ я получилъ письмо твое и печальное извѣстіе о ужасномъ происшествіи, поразившемъ тебя. Сердце мое чувствуетъ все то, что твое должно ощущать. Но, другъ мой! отчаяніе есть грѣхъ передъ Богомъ. Предайся слѣпо его святой волѣ. Вотъ единая отрада, одно успокоеніе, которое въ подобномъ несчастіи я могу тебѣ указать. Другихъ не существуетъ, по моему убѣжденію. Искренно раздѣляю я печаль твою, я живо воображаю себѣ все, что въ тебѣ, любезный другъ, должно было произойти. Твое положеніе, твоя печаль, крайне меня поразила. Даже мое собственное здоровье сильно оно почувствовало. Но, еще разъ, тебѣ повторяю, съ чувствомъ живѣйшей любви къ тебѣ, отчаяніе есть грѣхъ, и сильный грѣхъ. Покорность совершенная волѣ Всевышняго есть нашъ общій долгъ, и чѣмъ грусть сильнѣе, тѣмъ болѣе должны мы преклонить главы наши, съ умиленіемъ и повиновеніемъ его святой волѣ. Покорись ей, и Богъ самъ тебя поддержитъ, тебя подкрѣпитъ. Ты мнѣ пишешь, что хочешь удалиться изъ Грузина, но не знаешь куда ѣхать? Приѣзжай ко мнѣ: у тебя нѣтъ друга, который бы тебя искренно любилъ. Мѣсто здѣсь уединенное. Будешь ты жить, какъ самъ расположишь. Бесѣда съ другомъ, раздѣляющимъ твою скорбь, нѣсколько тебя смягчитъ. Но, заклинаю тебя всѣмъ, что есть свято, вспомни отечество. Сколь служба твоя ему полезна, могу сказать необходима, а съ отечествомъ и я неразлученъ. Ты мнѣ необходимъ. Я далеко отъ того, чтобы желать отъ тебя продолженія трудовъ твоихъ въ первое время твоей грусти. Дай себѣ все нужное время, на нѣкоторое успокоеніе душевныхъ и тѣлесныхъ своихъ силъ. Вспомни, сколь много тобою произведено и сколь требуетъ все оно довершенія. Я Бога усердно прошу, чтобы онъ подкрѣпилъ твои силы и здоровье и вселилъ бы въ тебя необходимую твердость, съ повиновеніемъ его святой волѣ. Пришли мнѣ подробное описаніе ужаснаго сего происшествія, показаніе преступниковъ и твое по всему оному предположеніе. Объяви губер-

*) Письмо это напечатано въ сенатской запискѣ—на стр. 49 и 50.

натору мою волю, чтобы старался дойти всѣми мѣрами: не было ли какихъ тайныхъ направлецій или подущеній. Любезный другъ, жаль мнѣ, выше всякаго изреченія, твоего чувствительнаго сердца. Я представляю себѣ, что оно должно чувствовать, и скорблю съ нимъ искренно! Прощай любезный Алексѣй Андреевичъ, не покидай друга, и вѣрнаго тебѣ друга“.

Аракчеевъ, въ день полученія письма, отвѣчалъ государю: „...Принишу за оное сыновнюю мою благодарность и цѣлую ваши ручки... Бѣненіе сердца, ежедневная лихорадка и три недѣли не имѣю ни одной ночи покою, а единая тоска, уныніе и отчаяніе, все оное привело меня въ такую слабость, что я потерялъ совсѣмъ память...“

„Прилагаемое письмо преосвященнаго митрополита покажетъ вамъ болѣе мое положеніе ...“

„Преступники семь человекъ отосланы къ законному суду; легко можетъ быть, батюшка, сдѣлано сіе происшествіе и отъ посторонняго вліянія, дабы сдѣлать меня неспособнымъ служить вамъ и исполнять свято вашу, батюшка, волю, а при томъ, по стеченью обстоятельствъ, можно еще кажется заключать, что смертоубійца имѣлъ помышленіе и обо мнѣ. Но Богу угодно было видно за грѣхи мои меня оставить на мученіе“...

Вслѣдъ за тѣмъ, императоръ Александръ Павловичъ отправилъ изъ Таганрога къ Аракчееву начальника штаба отдѣльнаго корпуса военныхъ поселеній, генераль-майора Клейнмихеля, съ новымъ рескриптомъ отъ 3 октября.

Государь писалъ:

„Твое здоровье, любезный другъ, душевное и тѣлесное, послѣ такого несчастія, крайне меня беспокоитъ. Я нарочно вызвалъ сюда Петра Андреевича Клейнмихеля, человека тебѣ преданнаго, дабы съ нимъ посовѣтоваться на счетъ твоего положенія, и, по довольномъ разсужденіи, положили мы, чтобы ему отложить, до другаго времени, осмотръ войскъ, находящихся подъ начальствомъ гр. Витта, дабы могъ онъ возвратиться немедленно къ тебѣ.“

„А я буду имѣть возможность, получать подробное свѣдѣніе какъ о твоёмъ здоровьѣ, такъ и о подробностяхъ всего несчастнаго приключенія. Признаюсь тебѣ, мнѣ крайне прискорбно, что Даллеръ ни одной строки о тебѣ не пишетъ, когда прежде, онъ всякой разъ исправно извѣщалъ о твоёмъ здоровьѣ.“

„Неужели тебѣ не придетъ на мысль то крайнее безпокойство, въ которомъ я долженъ находиться о тебя, въ такую важную минуту твоей жизни? Грѣшно тебѣ забыть друга любящаго тебя столь ис-

крепно и такъ давно! и еще грѣшнѣе усумниться въ его участіи въ твоей печали.

„Убѣдительно тебя прошу, любезный другъ, если самъ не въ силахъ, то приважи меня подробно извѣщать на свой счетъ, я въ сильномъ безпокойствѣ, — на вѣкъ искренно тебя любящій Александръ“.

Въ то же время императоръ Александръ отправилъ къ архимандриту Фотію слѣдующее письмо:

„Отецъ архимандритъ Фотій! По всѣмъ извѣстіямъ, до меня доходящимъ, графъ Алексѣй Андреевичъ, послѣ несчастія, его поразившаго, находится въ крайнемъ упадкѣ духа, близкомъ даже отчаянію. Зная искреннее уваженіе его къ духовнымъ добродѣтелямъ вашимъ, я увѣренъ, что вы, съ помощію Всевышняго, много можете подѣйствовать на душевныя его силы. Подкрѣпя ихъ, вы окажете важную услугу государству и мнѣ; ибо служеніе графа Аракчеева драгоценно для отечества *).

„Христіанинъ обязанъ съ покорностію переносить удары, рукою господнею ему наносимыя.

„Мы всѣ въ волѣ его.

„Испрашивая благословенія вашего, поручаю себя молитвамъ вашимъ. Александръ“.

„Письмо сіе хранить въ тайнѣ“.

Въ Новгородѣ, Клейнмихель, сначала словесно, а потомъ и письменно, предъявилъ губернатору о данномъ ему высочайшемъ повелѣніи, доводить до свѣдѣнія его величества, какъ объ успѣхѣ слѣдствія, производимаго объ убійствѣ Шумской, такъ и о подробностяхъ его и о наблюденіи, чтобы дѣло изслѣдовано было со всею строгостію. Клейнмихель прибылъ къ Аракчееву 13 октября, а на другой день графъ препроводилъ къ Жеребцову копію съ рескрипта 22 сентября и писалъ:

„Сего мѣсяца 1 числа получилъ я изъ Таганрога собственноручный его императорскаго величества рескриптъ, 22 прошедшаго сентября писанный, въ коемъ государю императору благоугодно было возложить на меня объявленіе высочайшей воли, въ ономъ рескриптѣ означенной, по поводу случившагося въ Грузинѣ истекшаго 10 сентября смертоубійства. Слабое состояніе моего здоровья препятствовало мнѣ по сіе время оное исполнить; по прибытіи же начальника штаба Клейнмихеля, нарочно ко мнѣ государемъ императоромъ отправленнаго, узналъ я отъ него лично, что неизмѣнная воля все милостивѣйшаго государя императора есть, дабы дѣло сіе было изслѣдовано со

*) Въ доставленномъ Н. П. Степановымъ спискѣ съ письма, слова, напечатанныя разрядкой, подчеркнуты.

всею строгостію, что самое начальниѣ штаба Клейнмихель въ проѣздъ свой вамъ лично объявилъ. Вслѣдствіе чего, спѣшу препроводить къ вамъ копію съ вышеупомянутаго высочайшаго рескрипта, дабы онъ имѣлъ уже полное право наблюдать за ходомъ сего дѣла, сходно съ высочайшею волею, въ рескриптѣ упоминаемю“.

Второй рескриптъ не былъ официально сообщенъ Жеребцову, но, также какъ и письмо къ Фотію, не оставался для него тайной. На спискахъ съ этихъ писемъ, доставленныхъ Н. П. Степановымъ, находится надпись „вѣрно: графъ Аракчеевъ. Съ копіи взялъ дѣйств. ст. сов. Жеребцовъ.“

На второй рескриптъ Аракчеевъ отвѣчалъ 14 октября: „...Я, благодѣтель и отецъ мой, виноватъ передъ тобою, грѣшилъ и думалъ, что въ царскомъ званіи не можно такъ отечески заняться своимъ подданнымъ. О моемъ положеніи донесетъ вамъ добрый Петръ Андреевичъ Клейнмихель“...

III.

Прежде нежели приступимъ къ изложенію дальнѣйшаго хода дѣла приведемъ нѣсколько свѣдѣній о Жеребцовѣ изъ его формулярнаго списка. Они дадутъ намъ достаточное понятіе о томъ, чего можно было ожидать отъ человѣка, котораго дѣятельность, во время бытности его губернаторомъ, почти вся обращена была на занятія по устройству военнаго поселенія. Угождая тѣмъ Аракчееву, Жеребцовъ получалъ награды, а губернію управлялъ самовластно.

Дмитрій Сергѣевичъ Жеребцовъ опредѣленъ былъ новгородскимъ гражданскимъ губернаторомъ 26 августа 1818 года, съ производствомъ въ статскіе совѣтники; 26 апрѣля 1820 года объявлена была ему, чрезъ графа Аракчеева, совершенная благодарность государя за справедливыя дѣйствія по производству слѣдствія, о претензіяхъ старорусскихъ крестьянъ на квартировавшіе у нихъ нѣкоторые изъ батальоновъ 2-ой и 3-ей гренадерскихъ дивизій, и за усердіе къ пользамъ службъ.

Въ томъ же году, за равностную службу пожалованъ дѣйств. статск. сов. Въ 1822 году, порученъ былъ собственному его распоряженію сплавъ бревенъ и дровъ въ округи военнаго поселенія 1-й гренадерской дивизіи. Въ 1823 году, назначенъ предсѣдателемъ комитета, которому поручена была покупка и наемъ поженъ одному изъ полковъ округа военнаго поселенія. За усердное исполненіе порученій по военному поселенію и труды по званію губернатора, получилъ, въ 1823 году, орденъ Владиміра 2 степени и, въ 1824 году, Анны 1 степени.

Изъ произведенной же, въ 1827 году, сенаторомъ Барановымъ ревизіи Новгородской губерніи видно, что дѣла, въ теченіи 8-лѣтняго управленія Жеребцова губерніею, доведены были имъ до крайнаго раз-

стройства. Такъ, онъ отдѣлилъ часть управленія губерніею въ собственную канцелярію, а тѣмъ ослабилъ власть губернскаго правленія и обременилъ свою канцелярію множествомъ дѣлъ, такъ что бумаги, по нѣскольку лѣтъ, оставались безъ отвѣта, а просьбы лежали, во множествѣ, безъ всякаго дѣйствія. Преемнику своему онъ оставилъ нерѣшенными по канцеляріи 2,700 дѣлъ, въ томъ числѣ до тысячи дѣлъ, полученныхъ Жеребцовымъ отъ предѣстниковъ. Хотя по журналамъ правленія его показывали ежедневно присутствующимъ, но послѣдній изъ бывшихъ при немъ прокуроровъ удостовѣрилъ, что, въ теченіи 10 мѣсяцевъ, Жеребцовъ былъ въ правленіи одинъ только разъ. Не приводя другихъ безпорядковъ, замѣченныхъ при ревизіи, упоминаемъ еще, что, удвоивая чрезъ каждое трехлѣтіе смѣтныя суммы по земскимъ повинностямъ, онъ скопилъ остатки, будто-бы отъ экономіи, и исходатайствовалъ, чрезъ графа Аракчеева, высочайшее повелѣніе объ обращеніи части суммы на казенныя постройки въ Новгородѣ, но, вмѣсто того, 223.041 р. 64 к. передалъ въ приказъ общественнаго призрѣнія.

IV.

Жеребцовъ передалъ Клейнмихелю, этому „преданному графу чело-вѣку“ *), содержаніе рѣшенія палаты о первыхъ приговоренныхъ 6-ти преступникахъ, а также о докладѣ исправника Лялина относительно беременности Дарьи Константиновой. О всемъ этомъ было донесено государю, при чемъ заявленіе Лялина истолковано было, какъ ходатайство со стороны его и засѣдателя Мусина-Пушкина за преступницу.

Тогда же, Жеребцовъ самъ пріѣзжалъ въ Грузино развѣдывать подробности происшествія и пришелъ въ убѣжденію, что не строгость обращенія съ дворовыми людьми села Грузина влекла ихъ въ преступленіе, потому что многие, и даже главные возмутители, получали богатое жалованье и хорошее содержаніе, пользовались разными выгодами отъ господина и особенною благосклонностію Шумской. Жеребцовъ полагалъ, что заговоръ дворовыхъ людей на жизнь Шумской возбужденъ былъ отъ стороннихъ лицъ тайнымъ внушеніемъ, за вѣрность ея въ управленіи домою и неуспѣшное попеченіе въ охраненіи здоровья графа, занимавшаго тогда важнѣйшія въ государствѣ должности. Взысканная милостію Шумской, Дарья Константинова, по взгляду губернатора, главная виновница преступленія, такъ какъ склоняла на это другихъ; слѣдовательно, при отсутствіи причинъ для личной злобы на Шумскую, она была орудіемъ замысловъ дру-

*) Такъ Жеребцовъ, повидимому, со словъ государя въ письмѣ къ Аракчееву отъ 3 октября, называетъ Клейнмихеля въ объясненіи сенату. А. П.

гихъ лицъ, по дѣлу еще необнаруженныхъ, которыя и ходатайствуютъ объ избавленіи ея отъ наказанія, или, по крайней мѣрѣ, объ отстрочкѣ его, подѣ предлогомъ беременности.

Сверхъ того, Жеребцовъ находилъ, что, кромѣ открытыхъ убійцъ, остались необнаруженными еще многіе изъ соучастниковъ преступленія, и, 15 октября, далъ совѣтнику Псковитинову предписаніе объ изслѣдованіи вновь дѣла слѣдственной комиссією. Наблюдать за дѣйствіями ея было предоставлено Клейнмихелю.

„...Здоровье мое, батюшка, плохо, о чемъ изволите узнать изъ Даллерова письма..... хочу переѣхать въ Новгородъ, дабы тамъ жить въ уединеніи ближе къ Фотію....

„Добрый Петръ Андреевичъ Клейнмихель живетъ въ Новгородѣ и занимается слѣдствіемъ дѣла, забравъ отъ меня почти всѣхъ дворовыхъ людей, а именно 22 человекъ„, писалъ 27 октября Аракчеевъ Александру I, посылая „подробное описаніе бывшаго въ Грузинскомъ домѣ злодѣянія“. Описаніе написано Шумскимъ, подѣ диетовку его мнимаго отца Аракчева.

Общее обзорнѣе дѣла, въ связи обоихъ слѣдствій, представляетъ слѣдующіе результаты.

V.

Тяжела была расправа Шумской съ дворовыми въ селѣ Грузинѣ. Водили ихъ, даже дворовыхъ дѣвушекъ, наказывать розгами и батогами раза по два въ день; сажали, для смиренія, въ особое строепіе на дворѣ, что-то въ родѣ домашней тюрьмы, извѣстное подѣ названіемъ едигуль; а иногда, недовольствуясь зависившими отъ нея исправительными мѣрами, Шумская докладывала о провинившихся графу, и тогда прогнѣввшій Настасью Ѳеодоровну уже не ждалъ для себя никакого снисхожденія.

Было средство заслужить расположеніе Шумской. Это—наговаривать ей на другихъ дворовыхъ, и тѣмъ подводить ихъ подѣ наказаніе. Иногда прибѣгалъ къ такому средству кухмистеръ Иванъ Аникіевъ. По жалобѣ его, наказанъ былъ поваренокъ Василій Антоновъ. Впрочемъ, Аникіевъ освобожденъ былъ отъ истязаній только лично. Дочь его Татьяна не пользовалась такимъ исключеніемъ.

Татьяна съ Прасковьей Антоновой и Ѳеодосьей Ивановой имѣли несчастіе быть комнатными дѣвушками Шумской. То ли, что гнѣвъ Шумской, по преимуществу, обрушивался на находящихся при ней, или онѣ, по молодости своей, не были настолько выносливы какъ другія, довело ихъ до того, что онѣ, изъ первыхъ, потеряли всякое терпѣніе. Еще въ 1821 году, онѣ уже покушались на убійство Шумской. У этихъ почти дѣтей,—не забудемъ, что старшей изъ нихъ, Прасковьѣ, было

тогда 17, а младшей, Татьянѣ, 13 лѣтъ,—нашлось и подручное средство и 16-ти-лѣтній сообщникъ. Отыскали въ кладовой мышьякъ и передали брату Прасковьи—Василью; а онъ—приготавливая соусъ для Шумской, положилъ туда отраву.

Ничего не зная объ этомъ, кухмистеръ Аникіевъ подавъ кушанье. Шумская почувствовала тошноту и нѣсколько дней была больна, но выдечилась.

Были и еще такія же покушенія, оставшіяся безъ успѣха, и съ тѣхъ поръ Шумская, подозрѣвая, что ее хотятъ отравить, сдѣлалась весьма осторожна въ принятіи пищи. Это было для нея весьма кстати. Ѳедосѣй сочувствовала крестьянка села Грузина, Прасковья Семенова, а у ней былъ любовникъ, фельдшеръ госпиталя военнаго поселенія Ивановъ. Отъ него Семенова получала ядовитыя вещества и передавала ихъ Ѳедосѣй.

Видя неудачу, обратились къ колдунамъ и ворожбѣ. Мать Семеновой, Василиса Родіонова завела сношенія съ деревенскими колдунами. Они тоже давали какія-то средства, которыя Родіонова, черезъ дочь, отсылала Ѳедосѣй.

Также старалась и мать дѣвушки Прасковьи—Наталья Кононова. Дала она дочери корешки „плакучей травы“; зашили ихъ въ тюфякъ Шумской, авось трава умягчитъ строгость ея. И это средство не помогло! Съ горестью смотрѣлъ кухмистеръ Иванъ Аникіевъ, какъ водили наказывать комнатныхъ дѣвушекъ, а въ числѣ ихъ и Татьяну, дочь его. У него невольно вырвалось:

— „Какъ онѣ терпятъ; если бы меня наказывали, я бы утопился, или что-нибудь сдѣлалъ надъ собою“.

Сочувствовала дѣвушкамъ и старшая надъ ними Акинья Семенова. Она говаривала имъ:

— „Какъ бы избавиться отъ Шумской, хоть бы кто убилъ ее!“.

Много перенесъ отъ Шумской исправляющій должность полицеймейстера, дворовой человекъ Синицынъ и кончилъ тѣмъ, что утопился, въ 1824 году.

Лѣтомъ того же года дворовой Василій Соцкій бранилъ разъ Шумскую передъ дворней:

„Чтобы собраться всѣмъ и отодрать ее розгами!“ говорилъ Соцкій.

— Если это сдѣлаемъ, то графъ всѣхъ высѣчетъ—отозвался ему слесарь Ѳедоръ Горлановъ!

Хорошо, казалось бы, жить дворовому Семену Алексѣеву и женѣ его Дарьѣ Константиновой. Семень, управляющій мірскимъ банкомъ села Грузина, получаетъ болѣе тысячи рублей жалованья и отличное

содержаніе, пользуется особенными милостями отъ графа; жена смотритъ за прачками. Сама Шумская крестила у нихъ дѣтей, и жили они въ особой комнатѣ, во флигелѣ напротивъ того, въ которомъ помѣщалась Шумская. Но, въ іюлѣ 1824 года, Настасья прогнѣвалась за что-то на Дарью. Отослали ее въ Петербургъ и отдали, беременную, въ прачки военно-сиротскаго дома. Дарья захворала и изъ сиротскаго дома была перемѣщена въ госпиталь. Родился у Дарьи ребенокъ; его отобрали и отослали къ мужу въ Грузино. Выздоровѣвшую Дарью Шумская удержала въ петербургскомъ домѣ графа до апрѣля 1825 года. Тамъ находилась тогда и Шумская съ своимъ штатомъ.

Горе взяло бѣдную Дарью, сошлась она съ горемыкой же Прасковьей Антоновой, и обѣ стали подговаривать поваровъ: брата Прасковьи — Василья и „обучавшагося въ домѣ Аракчеева поваренному искусству“ кантониста Протопопова, какъ бы убить Шумскую.

„Въ Петербургѣ нельзя, а въ Грузинѣ точно выполню“, отозвался Протопоповъ.

Шумская воротилась въ Грузино, и тѣже три ея дѣвушки вмѣстѣ съ Дарьей, которая прятала у себя въ комнатѣ ядъ, опять покушались отравить Настасью. Снова неудача, и дѣвушки стали упрашивать Василья Антонова исполнить обѣщаніе, жалуясь на строгости Шумской. Василій слышалъ и отъ прочихъ дворовыхъ ронотъ на жестокости Шумской, а также желаніе ихъ, чтобъ ее убилъ кто-нибудь, и самъ не скрывалъ, что не прочь былъ ее зарѣзать.

Весной же того года дворовые Никифоръ Савельевъ, Козьма Степановъ, Василій Соцкій, Николай Николаевъ, Матвѣй Яковлевъ и садовникъ Матвѣй Константиновъ часто сходились между собою; предметъ разговора былъ все одинъ и тотъ же: „терпѣнья недоста-етъ отъ Шумской, крѣпко наказываетъ, хотя бы кто-нибудь убилъ ее“.

Въ маѣ или іюнѣ 1825 г., управляющій банкомъ Семень Алексѣевъ бранилъ помощника казначея Петра Ухватава, за то, что тотъ не успѣлъ приготовить писемъ для Шумской. Ухватавъ сказалъ на это: „Какъ бы избавиться ея!“

Да и не одинъ Василій былъ готовъ убить Шумскую. Слесарь Ѳедоръ Горлановъ, весной 1825 года, разговаривалъ разъ съ теткою Прасковьей Родионовой о строгости Шумской. Тетка сказала ему:

„Что долго Шумскую не изведутъ? хоть бы кто ее зарѣзалъ“.

Понравилась Горланову эта мысль. 15 августа разговорился онъ съ садовникомъ Савельевымъ и кузнецомъ Филимоновымъ о Шумской, и пообѣщавъ застрѣлить ее изъ ружья.

Вздумалось Шумской осмотрѣть у дворецкаго Стромиллова погребъ; отправилась туда съ Стромилловымъ и нашла безпорядки. Дважды былъ наказанъ за это дворецкій, да еще пригрозила ему Шумская, что представить его графу, также, для наказанія. Но неудалось исполнить свою угрозу домоправительницѣ: Стромилловъ зарѣзался. Это было 17 августа 1825 года.

Случай съ дворецкимъ произвелъ сильное впечатлѣніе почти на всѣхъ служащихъ при домѣ Аракчеева. На другой день, ропщущая дворня собралась на господской кухнѣ. Были тутъ: управляющій банкомъ Семень Алексѣевъ, дворецкій Иванъ Малышъ, казначей Иванъ Пуля, кухмистеръ Иванъ Аникіевъ, поваръ Тимошей Лупаловъ, кандитеръ Николай Николаевъ, поваренки Василій Антоновъ и кантонистъ Протопоповъ. По поводу происшествія много было разговоровъ, и Семень Алексѣевъ сказалъ:

„Стромилловъ самъ себя погубилъ; онъ бы лучше убилъ Шумскую, когда она была съ нимъ въ погребѣ, а потомъ бы и самъ зарѣзался и заставилъ бы за себя вѣчно Бога молить.“

Съ этимъ согласились и прочіе.

Въ другомъ собравшемся кружкѣ, гдѣ находились слесарь Горлановъ, садовникъ Константиновъ, хлѣбникъ Горынинъ, помощникъ казначея Ухватовъ и еще 9 человекъ, разговоры кончились такимъ же выводомъ. Такіе же толки шли потомъ часто между дворовыми въ парадныхъ сѣняхъ дома Аракчеева.

Встрѣтился садовникъ Константиновъ съ Васильемъ Антоновымъ и передалъ ему нерадостную вѣсть, что Шумская бранила брата Василья, Николая, за шалости и хочетъ выписать отца ихъ, чтобы поучить.

— Если отца выпишутъ и будутъ наказывать, то непременно убью Шумскую, сказалъ Василій.

— Стоитъ того, и приходитъ къ тому время, — отвѣтилъ ему садовникъ, сильно озлобленный на гонительницу дворовыхъ.

О томъ, что хочетъ убить Шумскую, Василій передавалъ хлѣбнику Горынину, и тотъ, потомъ, не разъ спрашивалъ Василья: скоро ли онъ исполнитъ свое обѣщаніе? Зналъ и одобрялъ это намѣреніе Антонова также слесарь Горлановъ.

— Что-нибудь надо сдѣлать съ Шумскою, задуть ее — говаривалъ Антоновъ повару Тимошею Лупалову.

Поваръ подтверждалъ ему тоже.

Между тѣмъ, Шумская продолжала по прежнему мучить своихъ дѣвокъ. Прасковью жестоко сѣкли по два раза въ день. Доставка

лось ей тутъ и за связь съ 23-лѣтнимъ дворецкимъ Иваномъ Малышемъ.

— Нѣтъ терѣнія, утоплюсь или удавлюсь, — говаривала послѣ наказанія Прасковья.

— Когда бы избавиться отъ Шумской, хоть бы кто убилъ ее, — твердила на это, по прежнему, старшая дѣвушка Аксинья.

— Что за мука такая! — восклицала она же, передавая Николаю Антонову о томъ, какъ наказываютъ ея подначальныхъ.

— Нынѣшняго лѣта случится не такихъ хлопотъ, а еще лучше — сказала однажды Аксинья Василью, послѣ смерти Стромиллова, разумѣя подъ этимъ обѣщаніе сестры его утопиться или зарѣзаться.

Прасковья продолжала жаловаться брату Василью на свои терзанія.

— Зарѣжу Шумскую, только ты прими это на себя, а на меня не показывай, — наконецъ отвѣтилъ ей братъ.

Прасковья согласилась.

Намѣреніе Василья не было тайной для многихъ. Знали о немъ братъ Николай, Протопоповъ, Татьяна и Ѳедосья Ивановы, Дарья Константинова..... Дарья сказывала это крестьянкѣ Еленѣ Ѳоминой, но та не повѣрила ей, считая исполненіе предпріятія невозможнымъ. Тоже Дарья говорила и кандитеру Николаю Николаеву. Когда и самъ Василій передалъ ему о своемъ намѣреніи, Николаевъ совѣтовалъ Василью исполнить задуманное, а сестрѣ его Прасковьѣ, которая, также, вызывалась зарѣзать Шумскую, обѣщала третнее свое жалованье.

Антоновъ показалъ при слѣдствіи, что Дарья обѣщала ему дать за убійство 500 рублей; но Константинова созналась въ томъ только, что сестра его, Прасковья, предлагала ей украсть для брата 200 р. изъ денегъ, находящихся въ рукахъ у мужа. Константинова хотя этого и не обѣщала, однаѣожъ и не отказала рѣшительно, чтобы не отвлечь Антонова отъ принятаго имъ намѣренія.

Какъ на знавшаго о заговорѣ на убійство, есть указаніе и на дворецкаго Малыша. Василій Антоновъ утверждалъ, что Малышъ говорилъ также:

„Кто бы убилъ Шумскую, тому послѣднюю рубашку бы отдалъ“.

Малышъ въ этомъ не сознался.

По ранѣ данному кантонистомъ Протопоповымъ обѣщанію, Антоновъ подговаривалъ и его участвовать въ убійствѣ. Условились, по совершеніи преступленія, бѣжать, подъ видомъ отпущенныхъ солдатскихъ дѣтей, на родину Протопопова, въ Оренбургскую губернію, и спрашивали помощника казначея Ухватова, какъ даютъ билеты воен-

нши кантонистамъ, по указу ли его императорскаго величества, или Аракчеевъ выдаетъ ихъ отъ своего имени?

Ухvatовъ отвѣтилъ, что билеты графъ даетъ отъ себя и спрашивать, не хотятъ ли они бѣжать? Антоновъ и Протопоповъ ничего на это не сказали.

Была въ селѣ Грузинѣ крестьянка Акулина Ануфриева. Не разъ она уже находилась въ бѣгахъ и хорошо знала тракты для бѣглыхъ. Въ ней-то Антоновъ обратился съ вопросомъ, какъ пробраться въ Оренбургскую губернію и разсказалъ о всѣхъ своихъ намѣреніяхъ.

— Если ты это сдѣлаешь, то много оставишь по себѣ богомольцевъ—отозвалась Ануфриева и показала ему трактъ къ побѣгу.

Оставалось выждать, чтобъ графъ уѣхалъ изъ Грузина.

6 сентября 1825 г. Аракчеевъ отправился въ военное поселеніе, а на другой день Прасковья Антонова, по приказанію Шумской, наказана была сначала розгами, а потомъ батогами; Татьяна же и Федосья Ивановы посажены въ едикуль подъ стражу.

Сожалніе о сестрѣ еще болѣе возбудило рѣшимость Василья Антонова. Онъ понуждалъ ее сказать, когда будетъ удобно придти къ Шумской для убійства. Въ пособіи товарища своего по кухнѣ, Протопопова, онъ уже не нуждался.

10 сентября 1825 г., въ 6-мъ часу утра, Прасковья, придя въ комнаты Шумской, увидала, что она еще спитъ и тотчасъ извѣстила о томъ брата. Василій взялъ большой поварской ножъ и приготовился идти на задуманное дѣло. Прасковья побѣжала впередъ и выслала изъ комнатъ старшую дѣвку Аксию Семенову, обманомъ сказавъ ей, будто Шумская велѣла узнать, собрались ли въ садъ садовники, Василій вошелъ въ спальню чрезъ отпертую Прасковьею дверь, нашелъ Шумскую спящею на канане, схватилъ одною рукою за голову а другою ударилъ ножомъ по шеѣ. Очнувшись, Шумская долго сопротивлялась, удерживала ножъ, громко и пронзительно кричала, свалившись на полъ. Крику ея никто, какъ будто, и не слыжалъ, хотя рамы въ окнахъ были еще одинокія, а люди всѣ уже встали и занимались должностями. Заладилъ—было собака Шумской, но Прасковья вынесла собаку въ другую комнату. Покончивъ съ Шумскою, Василій, уходя изъ ея комнаты, второпяхъ оставилъ свой ножъ.

VI.

Одновременно съ дополнительнымъ производствомъ о виновныхъ въ убійствѣ, велось, по распоряженію губернатора, слѣдственною комисією дѣло по обвиненію исправника, штабсъ-капитана Василья Ля-

лина, и заведателя уголовной палаты, 9 класса Алексѣя Мусина-Пушкина, въ умышленномъ ходатайствѣ за преступницу Константинову.

Оба они удалены были отъ должностей при началѣ свѣдѣній и, для предупрежденія между ними стачки, взяты особо подъ стражу. Лялинъ содержался болѣе двухъ мѣсяцевъ въ арестантской за желѣзной рѣшоткой, подъ строгимъ военнымъ карауломъ. Болѣе подробныхъ свѣдѣній, относительно его пребыванія подъ арестомъ, мы не имѣемъ. Что-же касается Мусина-Пушкина, то онъ, въ отвѣтахъ своихъ, писалъ уголовной палатѣ и, потомъ, жаловался сенату, что послѣ допроса въ слѣдственной комиссіи отведенъ былъ въ новгородскую полицію. Тамъ полиціймейстеръ Сиверсъ посадилъ его подъ строгій караулъ, не выпускалъ никуда въ теченіи двухъ недѣль, не оказывалъ никакого снисхожденія даже къ болѣзненному его состоянію. Содержался онъ „какъ самый злобный и осужденный преступникъ“. Затѣмъ, Сиверсъ отвезъ Мусина-Пушкина подъ унтеръ-офицерскій караулъ, находившійся подъ командою полковника Карнѣева и зависившій отъ графа Аракчеева. Тутъ же содержались подъ карауломъ, почти вмѣстѣ съ Мусинимъ-Пушкинымъ, закованные люди Аракчеева. Ни обвиненія противъ Мусина, ни предписанія объ арестѣ ему не было объявлено. Содержали его, по приказанію Карнѣева, какъ и прочихъ арестантовъ; выпускали только по своей надобности и то за строгимъ карауломъ. Не разъ Пушкинъ спрашивалъ Карнѣева, за что его такъ наказываютъ, но получалъ въ отвѣтъ, что Карнѣеву все равно: что онъ, что другіе арестанты графа. Такъ содержали его девять недѣль, а потомъ, 23 декабря 1825 года, Сиверсъ отпустилъ его на квартиру, къ которой однакоже поставленъ былъ полиціею караулъ, чтобъ никуда не выпускать Пушкина изъ города. Новгородская полиція почти подтвердила, что писалъ Пушкинъ. Изъ отзыва ея уголовной палатѣ видно, что Пушкинъ содержался съ 22 октября, по предписанію губернатора, въ теченіи не болѣе двухъ недѣль, при канцеляріи полиціи, а не въ арестантской; потомъ, по распоряженію слѣдственной комиссіи, по 23 декабря въ отдѣльной комнатѣ присутственныхъ мѣстъ, гдѣ ранѣе было присутствіе земскаго суда. Тутъ, кромѣ его, никого арестантовъ не было, а нѣкоторые изъ людей графа содержались отдѣльно въ особенныхъ комнатахъ того же земскаго суда, за присмотромъ военного караула. Во все время содержанія своего, Пушкинъ имѣлъ при себѣ свою кровать, постель; къ нему безпрепятственно приносили съ квартиры пищу и онъ не терпѣлъ ни отъ кого угнетенія. Когда Пушкинъ, по распоряженію комиссіи, выпущенъ былъ изъ-подъ ареста въ свою квартиру, то полиція, по распоряженію же комиссіи, имѣла за нимъ надзоръ, чтобъ онъ не выѣхалъ самовольно

изъ города; но, при всемъ томъ, Мусинъ-Пушкинъ свободно выѣзжалъ въ свою усадьбу.

Много было употреблено стараній со стороны слѣдственной комисіи, чтобъ открыть виновность этихъ чиновниковъ; у нихъ производились даже внезапные обыски въ домахъ, и у Мусина-Пушкина отобраны были собственныя его деньги. Коммисія имѣла, потомъ, въ виду высочайшее повелѣніе, сообщенное Клейнмихелемъ губернатору 2 ноября 1825 года:

„Имѣя высочайшее повелѣніе доводить до свѣдѣнія государя императора, какъ объ успѣхѣхъ слѣдствія, производимаго объ убійствѣ въ селѣ Грузинѣ Шумской, такъ и о подробностяхъ онаго—писалъ Клейнмихель Жеребцову—я доношу его императорскому величеству, объ извѣстномъ вашему прев-ву ходатайствѣ уголовной палаты дворянскаго засѣдателя Мусина-Пушкина и новгородскаго уѣзда исправника Лялина за преступницу женку Дарью Константинову, и получилъ монаршее повелѣніе, объявить вамъ, что государь императоръ повелѣваетъ вамъ, въ особенности, внимательно заняться розыскомъ сего дѣла и открыть: причины таковаго ходатайства и всѣхъ дѣйствующихъ въ ономъ лицъ“.

Исслѣдованіе показало, что исправникъ, при производствѣ слѣдствія, не замѣтилъ, чтобъ которая-либо изъ преступницъ была беременна. Когда же переданъ былъ къ исполненію приговоръ палаты и исправнику предстояло исполненіе экзекуціи, пришелъ къ нему на домъ засѣдатель Мусинъ-Пушкинъ. Онъ передалъ, что, представляя въ палату для допросовъ Дарью Константинову, замѣтилъ, что она едва ли не беременна, и требовалъ чтобъ исправникъ тотчасъ шелъ и передалъ о томъ губернатору. Поводомъ къ этому поступку Мусинъ-Пушкинъ выказалъ желаніе предостеречь, по знакомству, исправника; самъ же не доложилъ присутствію палаты о замѣченномъ имъ за Константиновой, такъ какъ не былъ увѣренъ въ ея беременности.

Исправникъ, наканунѣ доклада губернатору, былъ въ тюрьмѣ и справлялся у Константиновой, дѣйствительно ли она беременна, чтобъ не подпасть, потомъ, отвѣтственности за несоблюденіе узаконенныхъ на такой случай правилъ. Константинова отозвалась, что не беременна, и исправникъ, недовѣряя ея показанію, сказалъ ей, что онъ замѣтилъ беременность ея по виду, а потому приведетъ ее къ присягѣ и для осмотра пришлетъ ученую повивальную бабку. По забывчивости, Лялинъ и Мусинъ-Пушкинъ, сначала, не объяснили въ точности время, когда засѣдатель приходилъ къ исправнику, а послѣдній былъ въ тюрьмѣ, и сказали это уже на очныхъ ставкахъ. Уголовная палата считала возможнымъ сдѣлать по этому дѣлу только строгое за-

мѣчаніе Лядину за неосновательное донесеніе Жеребцову, но какъ Лялинъ, сверхъ отрѣшенія отъ должности, болѣе двухъ мѣсяцевъ содержался подъ арестомъ, то и это обвиненіе на него оставила безъ заключенія. Губернаторъ не согласился съ такимъ рѣшеніемъ и заявилъ, что Лялинъ и Мусинъ-Пушкинъ, какъ недостойные довѣрія правительства, должны быть отрѣшены и не опредѣляемы ни къ какимъ должностямъ; но сенатъ нашелъ такое требованіе неосновательнымъ.

Къ дѣлу привлечены были комисією секретарь новгородскаго земскаго суда Лѣсковъ и смотритель острога коллежскій секретарь Михайль Татариновъ. Лѣсковъ по обвиненію въ дачѣ исправнику совѣта доложить губернатору о мнимои беременности Константиновой,— но для этого не оказалось по слѣдствію никакихъ данныхъ; а въ чемъ обвинялся Татариновъ, умершій до окончанія дѣла, не видно.

Передопросъ осужденныхъ преступниковъ и стремленіе слѣдственной комисіи отыскать въ дѣлѣ объ убійствѣ Шумской не ту причину совершенія преступленія, какая дѣйствительно существовала, дало поводъ привлечь къ дѣлу еще трехъ лицъ.

Четыре преступницы показали, что къ нимъ приходили въ тюрьму двѣ вдовы: штабсъ-капитанша Марѳа Полозова и бывшая въ замужествѣ за дворовымъ челоувѣкомъ графа Аракчеева, дочь пономаря Анна Кочегарова. Полозова, сожалѣя о преступницахъ, по словамъ однихъ, сказала имъ:

„Какія вы молодыя! Молитесь Богу, васъ графъ проститъ“.

По словамъ другихъ, Полозова выразилась:

„Молитесь Богу, я буду стараться за васъ“.

Кочегарова, по прежнему знакомству, приносила преступницамъ булки и пироги. Сожалѣя объ ихъ участи, она плакала и говорила:

„Какъ вы такъ, бѣдныя, сдѣлали“.

Показалъ еще Семень Алексѣевъ, что, до взятія его подъ стражу, онъ просилъ ѣхавшихъ въ Новгородъ двоихъ крестьянъ села Грузина справиться объ участи его жены. Они справлялись у служившаго въ земскомъ судѣ мѣщанина Василья Сумина, который велѣлъ передать Алексѣеву, что жена его въ острогѣ, здорова, и дѣло объ ней и прочихъ участвующихъ поступить въ сенатъ.

Всѣ эти люди, по предписанію губернатора, были взяты подъ стражу, по обвиненію въ мнимомъ ходатайствѣ о преступникахъ.

При слѣдствіи, къ усиленію подозрѣнія на Полозову и Сумина получены были показанія и другихъ лицъ, спрошенныхъ безъ присяги;

сверхъ того, Полозова давала неосновательныя показанія о своемъ паспортѣ.

Палата оставила свободными отъ дѣла Сумина и Кочегарову и нашла, что Полозова, только за неосновательность въ отвѣтахъ, относительно письменнаго вида о себѣ, могла бы подвергнуться взысканію; но какъ она, во время производства дѣла, содержалась даже подъ стражею и тѣмъ наказана, то и это обстоятельство признала нужнымъ оставить безъ заключенія и освободить ее отъ суда, такъ какъ настоящее званіе ея нѣкоторымъ образомъ доказывается. Ей поставлено въ обязанность исходатайствовать себѣ паспортъ. Губернаторъ на рѣшеніе не возражалъ, и сенатъ призналъ его правильнымъ.

Итакъ, и дополнительными изслѣдованіями и запрещеннымъ закономъ передопросомъ осужденныхъ преступниковъ, не подтвердилась догадка Жеребцова, будто злоба убійцъ противъ Шумской была дѣйствіемъ секретныхъ происковъ стороннихъ лицъ, которыхъ цѣль состояла въ разстройствѣ порядка и общественнаго спокойствія.

„Невозможно предположить, какъ вполнѣдствіи призналъ сенатъ, чтобы, изъ такого множества подсудимыхъ и при такой откровенности признаній, какая значится въ ихъ показаніяхъ, ни одинъ не рѣшился обнаружить наущеніе стороннихъ лицъ, если бы подлинно оно существовало, тѣмъ болѣе, что сего требовала собственная ихъ польза, дабы уменьшить степень вины своей и облегчить наказаніе.

„Возбужденіе этихъ изслѣдованій, замѣтилъ сенатъ, не имѣло тогда очевидныхъ основаній и послужило не столько къ обнаруженію настоящихъ, сколько къ увеличенію числа мнимыхъ преступниковъ, вовсе не стремившихся произвести какія-либо злобныя дѣйствія, но токмо нескромностію выраженій обнаруживавшихъ негодованіе, неволью возбужденное въ нихъ жестокимъ обращеніемъ Шумской, и потому, отнюдь, не заслуживавшее строгаго преслѣдованія“.

VII.

Какъ при слѣдствіи, такъ и при дальнѣйшемъ производствѣ дѣла былъ нарушенъ законный порядокъ. Слѣдственная коммисія, за дѣйствіями которой слѣдилъ или, вѣрнѣе, которою руководилъ Клейнмихель, уполномоченный доносить государю, раздѣлила свое производство на части, заключающія не болѣе 6 подсудимыхъ. Части эти коммисія, съ своими обвиненіями, представляла въ губернатору, а онъ, подтверждая обвиненія, передавалъ дѣла по частямъ, чрезъ губернское правленіе, на разсмотрѣніе судебныхъ мѣстъ, и тѣ рѣшали дѣло по частямъ же, хотя имѣли въ виду сообщеніе губернатора, что о прочихъ обвиняемыхъ слѣдствіе еще не кончено. Затѣмъ, губернаторъ утверждалъ рѣшеніе и

обращалъ его къ исполненію. Такихъ производствъ было семь. Этими обойденъ былъ законъ, требующій, чтобъ дѣла болѣе чѣмъ о 9 подсудимыхъ, подлежащихъ наказанію, были представляемы чрезъ сенатъ и комитетъ министровъ на высочайшее утвержденіе. Что же касается до закона о представленіи судебными мѣстами въ сенатъ дѣлъ, по которымъ состоялись высочайшія повелѣнія,—то, въ отстраненіе его, губернаторъ не сообщилъ уголовной палатѣ именныхъ повелѣній. Кромѣ того, замѣтилъ сенатъ, при множествѣ оговоренныхъ подсудимыми въ общемъ съ ними ропотѣ на Шумскую и заявленіи желанія, чтобъ она была убита, спрошены при слѣдствіи, подвергнуты суду и наказанію только нѣкоторые изъ дворовыхъ и, большею частію, тѣ, о которыхъ графъ Аракчеевъ писалъ къ Жеребцову, что имѣть ихъ не желаетъ.

Первою поступила къ судебному разсмотрѣнію часть дѣла объ управлявшемъ мѣрскимъ банкомъ Семенѣ Алексѣевѣ, бухгалтерѣ Иванѣ Аникіевѣ, дворецкомъ Иванѣ Малышѣ, казначей Иванѣ Путьѣ, кандитерѣ Николаѣ Николаевѣ и поварѣ Тимоѣевѣ Лупаловѣ.

Въ рѣшеніи 8 декабря 1825 года, уголовная палата приняла въ основаніе во всемъ пространствѣ обвиненія слѣдственной комисіи, подтвержденныя въ предложеніяхъ губернатора губернскому правленію.

Семенъ Алексѣевъ, 34 лѣтъ, былъ обвиненъ въ томъ, что онъ, пользуясь особенными милостями графа и Шумской, а также большимъ содержаніемъ, не только не имѣлъ за прочими людьми, вообще уважавшими его, должнаго надзора, не предотвращалъ и не доносилъ о происходившей между ними, такъ сказать, готовности на убійство Шумской, но даже самъ отваживался изъявлять желаніе, чтобъ она была умерщвлена. Говорилъ объ этомъ, какъ замѣтно*), съ умысломъ, при неоднократныхъ сходбищахъ людей, и тѣмъ возбуждалъ имѣвшихъ намѣреніе убить. Слыша это отъ такого человѣка, который считался за перваго надъ ними во дворѣ, они уже не опасались исполнить свое намѣреніе. Преступныя ихъ дѣйствія наводятъ большое подозрѣніе и въ томъ, что Алексѣевъ могъ знать даже и о рѣшительномъ намѣреніи на убійство, потому что въ этомъ злодѣйствѣ участвовала жена его Дарья Константинова, принимавшая къ себѣ и прежде того отъ Прасковьи Антоновой и Федосьи Ивановой ядъ, которымъ была отравляема Шумская, о чемъ Алексѣевъ будто бы и не зналъ. Жена, безъ согласія его, едва ли бы согласилась общать Антонову за убійство Шумской 500 руб. и если бы онъ не участвовалъ во всемъ этомъ, то, конечно бы, донесъ о томъ

*) Здѣсь и въ слѣдующихъ дагѣ строкахъ напечатанныя разрядкой слова въ рѣшеніи сената напечатаны курсивомъ.

графу Аракчееву. Напротивъ того, злодѣйство было поущаемо имъ, и единственно для скорѣйшаго приведенія намѣренія въ исполненіе, съ тѣмъ, по видимому, чтобъ оно было совершено помимо его. За все это, дабы и другимъ не было повадно такъ поступать и поущать на убійство, палата приговорила наказать его кнутомъ, 90 ударами, и, потомъ, отослать скованнаго въ Tobольскъ на разсмотрѣніе тамошняго начальства, съ тѣмъ чтобъ онъ содержанъ былъ строжайшимъ образомъ, какъ за непосредственное подущеніе убійцъ къ исполненію злодѣйства, такъ и потому, что онъ слѣдственной комисіею обнаруженъ въ вольнодумствѣ.

Внослѣдствіи, сенатъ призналъ, что все преступленіе Алексѣева состояло только въ томъ, что онъ, хотя и видѣлъ собрата своего Стромиллова зарѣзавшагося отъ жестокости Шумской, но долженъ былъ воздержаться отъ явнаго на нея негодованія и отнюдь не ослабѣвать въ терпѣливомъ ей новивовеніи, которое требуется отъ подвластныхъ. Оно заставило бы Ухватава опасаться произносить при немъ слова, обозначающія злобу противъ Шумской, а жену Дарью говорить мужу, что она недовольна Шумской, за опредѣленіе ее въ Петербургъ въ прачечную работу. Рѣшеніе же палаты, чтобъ Алексѣева, по наказаніи, отослать въ Tobольскъ на разсмотрѣніе тамошняго начальства, съ тѣмъ чтобъ его и тамъ содержать строжайшимъ образомъ, заключало такую неопредѣлительность и, съ тѣмъ вмѣстѣ, особую для него мѣру наказанія, на которую не только нѣтъ закона, но даже и примѣра.

Кухмистеръ Аникіевъ, 48 лѣтъ, обвиненъ въ томъ, что онъ не только въ виду своемъ поущалъ производить въ кухнѣ всѣ совѣщанія и предположенія на убійство Шумской, но и самъ дѣйствовалъ явно къ возбужденію убійцъ на исполненіе ихъ намѣренія, а пользуясь несправедливыми на поваровъ доносами, нарочно подвергалъ ихъ наказанію. Этимъ озлоблялъ ихъ противъ Шумской, оставаясь самъ ненаказываемымъ. Когда же Шумская въскивала съ его дочери Татьяны и прочихъ дѣвокъ, то говорилъ имъ: „какъ они это терпятъ и что онъ, на ихъ мѣстѣ, утопился бы, или что-нибудь надъ собою сдѣлалъ“. Это, повидному, еще болѣе усилило въ намѣревавшихся злость, и потому невѣроятно, чтобъ онъ и не участвовалъ въ заговорѣ, или не зналъ о томъ отъ дочери. При томъ же, Аникіевъ подавалъ Шумской такое кушанье, въ которомъ былъ положенъ Антоновымъ ядъ, и сомнительно, чтобъ онъ не могъ того замѣтить. Палата приговорила Аникіева наказывать кнутомъ, 70 ударами, и отослать въ Tobольскъ, на распоряженіе тамошняго начальства.

Сенатъ обвинялъ Аникіева только въ томъ, что онъ, также какъ

и прочіе, не удержался отъ явнаго негодованія на жестокости Шумской, а между тѣмъ, пользовался этою ея наклонностію и, наговаривая ей на прочихъ дворовыхъ, пріобрѣталъ тѣмъ ея благосклонность, „что хотя и не совсѣмъ извинительно, но весьма свойственно какъ отцу, сожалѣющему о дочери, и по обыкновенному коварству дворовыхъ людей въ подобномъ положеніи“. Потому Аникіевъ наказанъ свыше мѣры преступленія, а отосланъ въ Тобольскъ въ распоряженіе тамошняго начальства неправильно; такъ какъ по закону преступники ссылаются, или въ Сибирь, или на поселеніе, или въ каторжную работу.

Дворецкій Малышъ, 23 лѣтъ, обвиненъ въ томъ, что пользуясь довѣренностію графа, вмѣсто того, чтобы стараться о предотвращеніи и малѣйшаго злоумышленія на кого-либо, войдя въ преступную связь съ дѣвками-убійцами, самъ еще возбуждалъ готовыхъ на убійство и неоднократно участвовалъ въ сходбищахъ для онаго. При томъ, есть показаніе, что онъ даже зналъ о заговорѣ на убійство Шумской и Василий Антоновъ показываетъ, что Малышъ говорилъ „кто бы убилъ Шумскую, тому бы послѣднюю рубашку отдалъ“, что, можетъ быть, и ускорило самое исполненіе злодѣйства.

По взгляду сената, Малышъ, какъ и всѣ прочіе, виновенъ въ одномъ негодованіи на Шумскую и, притомъ, въ блудной жизни, потому палата, единственно по произволу, приговорила его наказать кнутомъ, 50 ударами, и потомъ, скованнаго, отослать въ Тобольскъ въ распоряженіе тамошняго правительства.

Казначей Пуптя, 27 лѣтъ, виновенъ, какъ признано сенатомъ, въ томъ только, что и онъ участвовалъ въ разговорѣ: „лучше бы Стромиловъ прежде зарѣзалъ Шумскую, а потомъ самъ себя“. Палата добавила, что будто бы нѣкоторые говорятъ, что онъ былъ въ числѣ главнѣйшихъ возмутителей на злодѣйство; но такого оговора въ прочихъ показаніяхъ вовсе нѣтъ, а вывела это сама слѣдственная коммисія, по собственному умозаключенію. Вслѣдствіе такого увеличеннаго обвиненія, палата приговорила Пуптю наказать кнутомъ, 45 ударами, и отослать, скованнаго, въ Тобольскъ, на распоряженіе тамошняго правительства.

Кандитеръ Николаевъ, 20 лѣтъ, самъ признался, что, кромѣ участія въ разговорѣ о томъ, что „лучше бы Стромиловъ зарѣзалъ Шумскую, а потомъ себя“, когда узналъ, что Антоновъ намѣренъ зарѣзать Шумскую, совѣтовалъ ему это исполнить, а сестрѣ его Прасковѣ, которая также вызывалась зарѣзать Шумскую, обѣщалъ за то дать третное свое жалованье. Сенатъ нашелъ, что палата правильно приговорила его къ наказанію кнутомъ, съ поставленіемъ на лицѣ

знаковъ, и къ ссылке въ каторжную работу; но число ударовъ назначила 80 неумѣренно, какъ и вообще по этому дѣлу. Палата не обратила вниманіе ни на весьма молодая лѣта подсудимаго, ни на добровольное признаніе, ни на то, что онъ только совѣтомъ, а не дѣйствіемъ участвовалъ въ убійствѣ.

Поварь Лупаловъ, 82 лѣтъ, признался также, что говорилъ съ прочими: „Стромилловъ лучше бы зарѣзалъ напередъ Шумскую, а потомъ самъ себя“ и подтверждалъ слова Василья Антонова, „надобно что-нибудь съ Шумскою сдѣлать“, т.-е. задушить ее. Палата приговорила наказать его кнутаомъ, 45 ударами, и сослать, свованнаго, въ Тобольскъ, въ распоряженіе тамошняго начальства.

Губернаторъ, утвердивъ приговоръ, далъ палатѣ, 11 декабря, предложеніе привести его въ исполненіе. 17 декабря состоялось распоряженіе губернскаго правленія о ссылкѣ.

Слѣдующее затѣмъ производство заключало обвиненіе на дворовыхъ: Федора Горланова, Максима Константинова, Игнатія Горныина, Петра Ухватава, крестьянку Акулину Ануфриеву и дворовую дѣвку Аксиныю Семенову.

Горлановъ, 31 года, Константиновъ, 44 лѣтъ, и Ануфриева, 34 лѣтъ, сами сознались, что не только выражали въ разговорахъ своихъ съ Васильемъ Антоновымъ негодованіе на жестокость Шумской, но и знали о намѣреніи его на убійство и одобряли оное; а Горлановъ, и въ томъ, что, незадолго предъ убійствомъ, заявлялъ готовность застрѣлить Шумскую. Поэтому, сенатъ призналъ, что палата правильно приговорила ихъ къ наказанію кнутаомъ и ссылкой ихъ въ каторжную работу, съ поставленіемъ первымъ двумъ указныхъ знаковъ, но замѣтилъ, что число ударовъ, по принятой палатою въ этомъ дѣлѣ увеличенной пропорціи, назначено Горланову 90, Константинову 75 и Ануфриевой 50.

Подобному же наказанію кнутаомъ, 75 ударами, и ссылкой въ каторжную работу, съ поставленіемъ на лицѣ указныхъ знаковъ, подвергнуть и Ухватава, 25 лѣтъ, о которомъ въ рѣшеніи палаты, по принятымъ ею изъ заключенія слѣдственной комиссіи и предложенія Жеребцова основаніямъ, написано, что, будто бы, и онъ признался, какъ и первые трое, въ подущеніи убійцу и прочихъ лишить жизни Шумскую, въ согласіи на то и знаніи о рѣшительномъ заговорѣ. Сенатъ призналъ только, что Ухватава не долженъ былъ, также какъ и прочіе, извѣщать своего негодованія на Шумскую въ злобныхъ выраженіяхъ и открывать Антонову, какъ даются билеты военнымъ кантонистамъ, недознавшимъ отъ него совершенно, для чего ему это нужно; потому,

и навлекаетъ на себя подозрѣніе въ знаніи о рѣшительномъ намѣреніи Антонова къ убійству Шумской и необъявленіи.

Затѣмъ, палата о Горынинѣ, 36 лѣтъ, и Семеновою, 43 лѣтъ, написала въ приговорѣ, что хотя они въ заговорѣ на убійство Шумской и не признались, но какъ сами же говорятъ, что слышали объ этомъ разговоры и не только не доносили о нихъ, но еще говорили, что хорошо, если бы это убилъ Шумскую; что также доказываетъ желаніе на убійство ея и возбужденіе прочихъ на совершеніе этого злодѣяства, а особливо уже готовыхъ на то, а потому, ихъ также наказывать вкучомъ: Горынина 50, а Семенову 40 ударами, и потомъ, какъ вредныхъ, отослать въ Тобольскъ на распоряженіе тамошняго начальства.

Сенатъ призналъ, что палата, въ рѣшеніи, соединила двухъ подсудимыхъ, совершенно по винамъ своимъ различныхъ. Горынинъ, по собственному его признанію, не только участвовалъ съ прочими въ разговорѣ, что Стромиловъ лучше бы прежде зарѣзалъ Шумскую, а потомъ самъ себя, но слышалъ отъ Антонова о намѣреніи его убить Шумскую и напоминалъ о скорѣйшемъ исполненіи; Семенову же нельзя ни въ чемъ обвинить болѣе, какъ въ явномъ негодованіи на Шумскую, подобно прочимъ, и въ употребленіи выраженій, изъявляющихъ желаніе, чтобъ она была убита. Потому, убадный судъ правильно полагалъ: наказывать ее плетью и, потомъ, такъ какъ владѣлецъ имѣтъ ее у себя не желаетъ, сослать въ Сибирь на поселеніе.

О двухъ еще производствахъ комисіи, рѣшенныхъ послѣдовательно палатою, а также о лицахъ, которыя обвинялись въ тѣхъ производствахъ, мы не имѣемъ положительныхъ свѣдѣній. Въ запискѣ изъ дѣла о Жеребцовѣ они не изложены, такъ какъ сенатъ не нашолъ въ нихъ неправильныхъ дѣйствій со стороны уголовной палаты и губернатора.

Обратимся къ приговору палаты надъ главными и первыми осужденными 5 октября 1825 года. Въ приговорѣ своемъ, палата не дала вѣры показаніямъ подсудимыхъ о несправедливыхъ взысканіяхъ Шумской и непомѣрныхъ наказаніяхъ потому только, что обвиняемые не жаловались на нее графу; распространилась о Шумской съ похвалами, упоминала, что она, „истинно усердная къ соблюденію пользы и спокойствія графа, старалась имѣтъ за каждымъ изъ людей надлежащій присмотръ и тѣмъ обуздывала ихъ своевольство“. Подсудимыхъ палата назвала „распутными и укоренившимися въ преступныхъ дѣйствіяхъ“, хотя поведеніе ихъ за прежнее время не было опорочено; не обратила вниманія ни на лѣта ихъ, ни на степень участія въ преступленіи. Усила значеніе вины подсудимыхъ, палата опредѣляла

наказать Василья Антонова 175, сестру его Прасковью 125, Дарью Константинову 95, Федосью и Татьяну Ивановыхъ, каждую по 70, а Елену Фомину, только знавшую и недонесшую объ умыслѣ на убійство, 50 ударами кнута, и потомъ, поставя Антонову на лицѣ указные знаки и заклепавъ въ кандалы, сослать всѣхъ въ каторжную работу вѣчно, хотя, по существовавшему тогда закону, срокъ каторги не зависилъ отъ приговоровъ судебныхъ мѣстъ и былъ вообще 20-тилѣтній.

Для преступлений, которыя влекли за собою тѣлесное наказаніе, хотя бы даже и кнутомъ, въ упоминаемое нами время, не было опредѣлено въ законѣ количества ударовъ ни въ высшей, ни въ нисшей мѣрѣ. Тѣмъ не менѣе, въ практикѣ уголовныхъ судовъ, существовали по этому предмету извѣстныя правила. Потому, для выясненія вопроса, насколько, по современнымъ событію взглядамъ, было непомѣрно по числу ударовъ наказаніе кнутомъ обвиняемыхъ въ убійствѣ Шумской, мы приводимъ нѣсколько случаевъ наказанія кнутомъ, взятыхъ изъ дѣятельности бывшей санктпетербургской уголовной палаты:

Въ 1790 году, дворовые люди капитана Ивана Маслова, задушившіе помѣщика своего, съ цѣлію избавиться отъ его жестокости, и совершившіе, притомъ, грабежъ, наказаны по 150 ударовъ. Преступники были совершеннолѣтніе.

Такому же наказанію подвергнулся, въ 1806 году, кучеръ графа Яблонскаго—Терентій Кондратьевъ, совершеннолѣтній, за умышенное убійство графа и грабежъ.

Затѣмъ, когда законъ 10 сентября 1807 года воспретилъ употреблять въ приговорахъ о наказаніи, нещадно и жестоко, мы уже не встрѣчаемъ такого количества ударовъ кнутомъ. Такъ, въ 1807 году, шлассельбургскій мѣщанинъ Осипъ Самойловъ, за убійство дѣвки Варвары Андреевой, отказавшейся отъ любодѣанія съ нимъ, наказанъ 25 ударами.

Въ томъ же году, убійцамъ неизвѣстнаго бѣглаго, съ которыми участвовали въ кражахъ, крестьянамъ деревни Кобриной: Степану Давыдову, Ивану Григорьеву и Никитѣ Ефимову назначено по 50 ударовъ.

Въ 1814 году, купецъ Иванъ Некрасовъ, признанный умышенно столкнувшимся съ моста въ Неву жену свою, наказанъ 35 ударами.

Въ 1815 году, инвалидъ Дмитрій Николенковъ, за умышенное убійство своей любовницы, наказанъ 40 ударами.

Въ 1821 году, дворовый Миѣевъ, за умышенное убійство подканцеляриста Тимоеева—35 ударами.

Всѣ эти случаи относятся къ совершеннолѣтнимъ; но слѣдующія

два показываютъ, насколько смягчилась мѣра наказанія и для недостигшихъ совершеннолѣтїа.

Въ 1824 году, крестьянка графовъ Шуваловыхъ деревни Стройнова Марья Петрова, 18 лѣтъ, за умышленное убійство своей свекрови, останавливавшей отъ распутства, наказана 30 ударами.

Въ томъ же году, крестьянинъ Степа ъ Семеновъ, за святотатство сосудовъ съ жертвенника въ олтарѣ, по молодости лѣтъ, наказанъ 15 ударами.

Обращаемся къ разсказу. Неумѣренное, или несоразмѣрное сложенію лицъ обвиненныхъ по дѣлу Шумской назначеніе числа, ударовъ кнудомъ имѣло потомъ гибельное для нѣкоторыхъ изъ нихъ послѣдствіе.

Исполненіемъ надъ ними приговора губернаторъ распорядился, когда уже двѣ части слѣдствїа комиссіею были кончены, по дѣлу оказалось еще 12 обвиненныхъ и было въ виду общее число преступниковъ до 24.

Василій и Прасковья Антоновы умерли на самомъ мѣстѣ наказанїа, чрезъ нѣсколько времени послѣ того умерла Фомина; въ какомъ состоянїи сосланы Ивановы и Константинова, по дѣлу не видно.

VII.

Выводя изъ того, что палата и Жеребцовъ, назначеніемъ несоразмѣрнаго числа ударовъ, произвели смертную казнь гораздо мучительнѣе отмѣненной закономъ 1754 года, не обративъ вниманїа на сохраненіе жизни преступниковъ, сенатъ нашель, что, въ этомъ случаѣ, исполненіе противозаконнаго, по чрезмѣрной жестокости своей приговора, тѣмъ болѣе для губернатора было непростительно, что оно послѣдовало по его предложенію, когда эти преступники откровенными признанїями своими, сдѣланными при передопросахъ послѣ осужденїа, раскрыли еще болѣе тѣ обстоятельства, которыми они, можно сказать, вовлечены были въ содѣянное ими преступленіе; какъ-то: жестокость Шумской и всеобщее негодованіе на нея дворовыхъ людей. Имѣя въ виду эти обстоятельства, ослабляющїя вину преступниковъ, и не въ правѣ будучи уменьшить самъ собою приговоренное палатою наказаніе, Жеребцовъ долженъ былъ непремѣнно представить о всемъ этомъ на дальнѣйшее разсмотрѣніе высшаго судилища. Примѣненіе къ дѣлу такого порядка, указаннаго въ законѣ, по мнѣнію сената, было противно цѣли Жеребцова предать мучительнѣйшей смертной казни главныхъ преступниковъ и подвергнуть, почти также, жестокому наказанію всѣхъ тѣхъ дворовыхъ людей, которые не имѣли столько твердости и благоразумїа, чтобы, въ кругу своемъ, не роптать на жестокость Шумской и, по преимуществу, на тѣхъ, ко-

торые указаны были самимъ графомъ. Впрочемъ, и Аравчевъ, какъ бы, признавалъ поводъ къ ненависти и ропоту дворовыхъ на Шумскую. Несмотря на значительное число подвергнутыхъ за это наказанію, еще большее число оговоренныхъ въ томъ же осталось безъ преслѣдованія со стороны графа.

Жеребцовъ, потомъ, объяснялъ, что мѣра наказанія главнымъ преступникамъ назначена была не съ тѣмъ, чтобъ могла превзойти силы ихъ, но сообразно съ важностію преступления, въ которомъ онъ видѣлъ убійство, сопряженное съ заговоромъ противу установленной власти, такъ какъ оно было весьма гласно, по совершенію его въ домъ Аравчева. Но сенатъ не нашелъ заговора противъ правительственной власти и происшествіе въ домъ графа не отличилъ отъ убійства, которое могло бы случиться въ другомъ какомъ-нибудь частномъ домѣ.

Жеребцовъ объяснялъ, что, смотря по роду преступленія, число ударовъ полагается и гораздо болѣе, чѣмъ назначено было по этому дѣлу, но не выставилъ ни одного примѣра; что смерть преступниковъ могла произойти не отъ числа ударовъ, а отъ слабаго ихъ сложенія, или отъ причинъ непредвидимыхъ; но слабость сложенія двухъ преступниковъ, умершихъ во время наказанія, Жеребцовъ долженъ былъ видѣть изъ дѣла, соображаясь съ годами осужденныхъ — замѣтилъ сенатъ. Оправдывался также Жеребцовъ, что приговоръ палаты сообщенъ былъ Клейнмихелю, для донесенія государю, но отъ его величества никакого замѣчанія о несоразмѣрности наказанія не сдѣлано. На это замѣтилъ сенатъ, что по дѣлу вовсе не видно, чтобы рѣшеніе палаты было удостоено высочайшаго утвержденія. Замѣтилъ также сенатъ, что высочайшее повелѣніе, данное Клейнмихелю, доносить о ходѣ дѣла государю, не могло быть даже приводимо въ исполненіе, со дня полученія извѣстія о кончинѣ Александра I по день обнародованія манифеста о восшествіи на престолъ Николая Павловича, а въ это время, 8 декабря, рѣшена палатою вторая часть дѣла, о наказаніи и ссылкѣ еще 6-ти человекъ, и Жеребцовъ, 11 декабря, предложилъ о приведеніи рѣшенія въ исполненіе.

Жеребцовъ высказалъ также, что, въ дѣлѣ этомъ, онъ принималъ въ уваженіе настоянія Клейнмихеля, потому что они были сообразны съ высочайшею волею, высказанною въ рескриптахъ, и потому что Жеребцовъ считалъ въ этомъ дѣлѣ генерала Клейнмихеля не частнымъ человекомъ, но довѣренною отъ государя особою, посланною для надзора за дѣломъ. Но сенатъ призналъ, что выраженія высочайшей воли не освобождали Жеребцова отъ обязанности блюстителя законнаго порядка въ уголовномъ дѣлѣ, гдѣ лицо истца, въ отноше-

ни личнаго возмездія за преступленіе, представляет по законамъ само правительство, вліяніе же владѣльца на преступныхъ людей его, со времени отдачи ихъ въ руки правосудія, совершенно прекращается. Потому, и нельзя предположить, чтобъ Жеребцовъ клонящіяся къ изытїю изъ этихъ правилъ настоянія Клейнмихеля, если такіа и дѣйствительно были, считалъ сообразными съ высочайшею волею, ему объявленною, несмотря на то, что эти настоянія вели къ исполненію надъ преступниками наказаній, опредѣленныхъ безъ соблюденія установленнаго порядка.

О нарушеніяхъ уголовною палатою и губернаторомъ установленнаго закономъ порядка судопроизводства донесено было мѣстнымъ губернскимъ прокуроромъ министру юстиціи. Къ-сожалѣнію, ми не знаемъ, были ли своевременно даны прокуроромъ протесты и остались неуваженными палатою и губернаторомъ, или прокуроръ послалъ свои донесенія министру, при измѣнившихся уже обстоятельствахъ, когда графъ Аракчеевъ потерялъ прежнее свое значеніе.

Министръ сносился съ губернаторомъ и отвѣтъ Жеребцова, съ донесеніями губернатора, предложилъ на разсмотрѣніе сената. Замѣтивъ, что раздѣленіемъ дѣла на части и приведеніемъ рѣшеній палаты въ исполненіе, безъ внесенія дѣла въ сенатъ, нарушенъ законный порядокъ, правительствующій сенатъ, 1 апрѣля 1826 года, потребовалъ изъ уголовной палаты дѣло, куда оно и было представлено, а новгородскому губернскому правленію предписалъ остановиться исполненіемъ рѣшеній палаты, если они надъ кѣмъ еще не исполнены.

Между тѣмъ, губернское правленіе, 3 апрѣля, освидѣтельствовало на преступникѣ Иванѣ Малыгѣ одежду и обувь, которою онъ былъ снабженъ, и обратила его въ полицію для ссылки, не записавъ этого дѣйствія и распоряженія своего въ журналъ. Когда же, 5 апрѣля, полученъ былъ указъ сената, то правленіе не почло нужнымъ дать знать о содержаніи указа полиціи, для прїостановленія исполненія рѣшенія. Полиція, 6 апрѣля, отослала Малыша къ командиру гарнизоннаго батальона, а 10-го Малышъ отправленъ въ путь.

Сенату губернское правленіе донесло о высочайшемъ разрѣшеніи, объявленномъ Жеребцову Аракчеевымъ, чтобы Семена Алексѣева и Илью Протопопова отправить въ Тобольскъ съ марочнымъ, и просило разрѣшенія, чтобы и прочія неисполненные рѣшенія палаты привести въ исполненіе. На это сенатъ далъ знать правленію, что, имѣя предписаніе объ удержаніи исполненія и не видя высочайшаго повелѣнія объ отпѣтѣ этого предписанія, не было никакого повода исправлять отъ сената указа на указъ.

Между тѣмъ, губернской прокуроръ донесъ министру юстиціи о ссылкѣ, послѣ предписанія сената и безъ вѣдома прокурора, преступника Малыша, а палата донесла сенату, что, также по полученіи указа сената, представлена была, 9 апрѣля, въ палату изъ новгородской градской полиціи крестьяника Прасковья Родіонова, для объявленія рѣшенія палаты по этому дѣлу, но отослана въ полицію.

Сенатъ потребовалъ, 29 апрѣля 1826 г., объясненій отъ губернскаго правленія и губернатора; при чемъ, въ особенности Жеребцову предписано было, чтобы онъ, если дѣйствительно Иванъ Малышъ отправленъ въ ссылку, немедленно распорядился остановить Малыша на пути, съ тѣмъ чтобы преступникъ этотъ тамъ, гдѣ будетъ остановленъ, содержался подъ крѣпкою стражею, впредь до разсмотрѣнія о немъ дѣла въ сенатѣ.

Губернаторъ получилъ указъ 3 мая, и 6 того же мѣсяца донесъ сенату, что о времени отправленія въ Сибирь Ивана Малыша и о сдѣланномъ со стороны губернскаго правленія распоряженіи, относительно удержанія исполненія по рѣшеніямъ палаты, потребовалъ надлежащія свѣдѣнія отъ губернскаго правленія, по полученіи коихъ не умедлитъ представить требуемое объясненіе и сдѣлать должное распоряженіе, если нужно будетъ, объ остановленіи въ пути преступника Малыша. Отправляя это донесеніе, Жеребцовъ умолчалъ, что, съ тѣмъ вмѣстѣ, отправляется въ Тихвинъ, для провозводства, по высочайшему повелѣнію, слѣдствія, и мѣсто его заступилъ предсѣдатель гражданской палаты Строевъ, который 12 мая, т.-е. чрезъ 9 дней по полученіи указа сената, распорядился приостановленіемъ въ пути Малыша.

Послѣдствіемъ разсмотрѣнія дѣла въ сенатѣ было, между прочимъ*), заключеніе его о преданіи суду членовъ и секретаря новгородской уголовной палаты, а также губернатора Жеребцова, за противозаконныя ихъ дѣянія. Съ мнѣніемъ этимъ согласился и государственный совѣтъ, но императору угодно было, 23 октября 1827 года, написать, между прочимъ, на мнѣнія совѣта:

„Губернатора Жеребцова, какъ виновнаго во всѣхъ противозаконныхъ дѣйствіяхъ подчиненныхъ ему присутственныхъ мѣстъ, предать суду; прочихъ же, яко подходящихъ подъ манифестъ (22 августа 1826 года), отъ суда освободить“.

*) Какія распоряженія послѣдовали относительно осужденныхъ палатомъ, изъ записки, не видно. А. П.

IX.

По разсмотрѣніи дѣла, въ 1 отдѣленіи 5 департамента сената, 17 апрѣля 1828 года, сенаторы Уваровъ, графъ Толстой, Мартенсъ и Баратынскій поставили въ вину Жеребцову:

- 1) Составленіе слѣдственной комиссіи, для передопроса осужденныхъ преступниковъ.
- 2) Раздѣленіе дѣла объ убійствѣ Шумской на части.
- 3) Неправильность утвержденныхъ Жеребцовымъ рѣшеній палаты.
- 4) Назначеніе несоразмѣрнаго числа ударовъ первымъ двумъ преступникамъ, умершимъ на мѣстѣ наказанія.
- 5) Помѣщеніе уголовною палатою въ приговорѣ о ссылкѣ въ каторжную работу слова „вѣчно“.
- 6) Взятіе подъ стражу и преданіе суду лицъ, подозрѣваемыхъ въ ходатайствѣ за преступниковъ по дѣлу объ убійствѣ Шумской, но въ томъ нѣсколько неизобличенныхъ.
- 7) Ослушаніе противъ предписаній сената.

Признавая Жеребцова совершенно виновнымъ и что виновность эту нельзя отнести къ ошибкѣ, недоразумѣнію, или упущенію, сенаторы находили во всѣхъ дѣйствіяхъ прямое намѣреніе къ отягощенію подсудимыхъ сверхъ мѣры содѣянныхъ ими преступленій, къ выведенію дѣла изъ установленнаго порядка, и, что всего важнѣе, въ совершеніи двумъ изъ преступниковъ, вопреки законовъ, мучительной смертной казни, утвержденіемъ несоразмѣрнаго числа ударовъ, и, затѣмъ, къ неисполненію указовъ сената,—

Сенаторы полагали: „лиша Жеребцова всѣхъ чиновъ, дворянства и орденовъ, сослать въ Сибирь на поселеніе, передавая, впрочемъ, мнѣніе сіе высокомонаршему его императорскаго величества благоизволенію“.

Сенаторъ П. А. Мансуровъ, прочитавъ заготовленные по этой резолюціи опредѣленіе и всеподданнѣйшій докладъ, объявилъ особое мнѣніе. Сущность этого мнѣнія состоитъ въ томъ, что „онъ не можетъ съ рѣшительностію заключить, что дѣйствія Жеребцова, въ которыхъ онъ обвиняется, произошли отъ прямого намѣренія къ неправоудію. Составленіе слѣдственной комиссіи для передопроса осужденныхъ преступниковъ, лишенныхъ уже законами всякой вѣры, могло произойти по ошибочному пониманію словъ рескрипта Александра I къ графу Аракчееву и въ надеждѣ достигнуть исполненія высочайшей воли передопросомъ преступниковъ, за неимѣніемъ иныхъ къ тому средствъ и при невозможности почему-либо указать тѣхъ людей, отъ коихъ онъ почерпнулъ замѣчанія о возбужденіи заговора отъ посто-

ронникъ лицъ. Раздѣленіе дѣла на части и уклоненіе его, такимъ образомъ, отъ разсмотрѣнія высшаго правительства, могло послѣдовать не по собственному намѣренію Жеребцова, но по состоянію его тогда въ видимой зависимости отъ лицъ, объявлявшихъ ему высочайшія повелѣнія. Несообразное съ закономъ и существомъ преступленія назначеніе мѣры наказанія нѣкоторымъ изъ подсудимыхъ могло послѣдовать отъ неточнаго понятія существа дѣла, или отъ того, какъ сказано въ 153 ст. нак. комис. о соч. улож., что всякій человѣкъ имѣеть свой собственный отъ всѣхъ отличный способъ смотрѣть на вещи, его мыслямъ представляющіяся. За послѣдствія, происшедшія отъ назначенія несообразнаго числа ударовъ преступникамъ, губернаторъ не можетъ подвергаться особой отвѣтственности, хотя приговоръ имъ утвержденъ, такъ какъ палата оставлена безъ взысканія. Помѣщеніе въ приговорѣ о ссылкѣ въ каторжную работу слова вѣчно есть ошибка палаты, неумотрѣнная губернаторомъ. Неправильность заключенія объ отсылкѣ подсудимыхъ въ распоряженіе тобольскаго начальства, съ тѣмъ, чтобы одинъ изъ нихъ и тамъ содержимъ былъ строжайшимъ образомъ, оставленіе неспрошенными и неосужденными оговоренныхъ дворовыхъ, Жеребцовъ хотя и проходитъ въ отвѣтахъ своихъ молчаніемъ, но оно ближе отерываеъ сознаніе, что онъ лишенъ былъ той твердости духа, съ которою надлежало ему соблюдать обязанность своего званія. Строгое содержаніе подъ стражею лицъ, подозревавшихся въ ходатайствѣ за преступниковъ, можно отнести къ ревностному исполненію Жеребцовымъ объявленной ему высочайшей воли. Въ уклоненіи отъ исполненія указа сената нельзя обвинить Жеребцова, неизслѣдовавъ его объясненія о командированіи, по высочайшему повелѣнію, въ городъ Тихвинъ“.

Принимая въ соображеніе, что дѣйствія палаты признаны подходящими подъ манифестъ, что Жеребцовъ уволенъ отъ должности и находится подъ судомъ, и руководствуясь 220 ст. нак. комм. нов. улож., повелѣвающею опредѣлять наказанія сходственно съ преступленіемъ, сенаторъ Мансуровъ полагалъ: „Жеребцова, какъ отъ службы уже уволеннаго, впредь ни къ какимъ должностямъ не опредѣлять и повсемѣстно публиковать“.

Соглашеніе между сенаторами не состоялось и дѣло было внесено въ общее собраніе сената.

Чѣмъ окончилось это дѣло для Жеребцова, намъ пока неизвѣстно.

Х.

Въ заключеніе нашего изложенія, бесполезно указать на тѣ выдумки въ передачѣ подробностей убійства Шумской, какія находятся

въ „Разказахъ о быломъ“ соч. Словскаго. (Спб. 1862). Въ статьяхъ своихъ „Шумскій“ и „Экономка“, г. Словскій упоминаетъ, что жестокости Шумской, по преимуществу, относились къ Прасковьѣ, изъ боязни, чтобъ она, при красотѣ своей, не замѣнила мѣста Настасьи въ сердцѣ Аракчеева. Мы знаемъ теперь, что эта дѣвица, не безукоризненной нравственности, терпѣла отъ Шумской одинакую долю съ прочими. Жгла ли Прасковью Настасья калеными щипцами, какъ о томъ велерѣчиво рассказываетъ г. Словскій, изъ дѣла не видно; но если слѣдователи, при всей своей склонности сдѣлать угодное Аракчееву, заносили въ показанія обвиняемыхъ о жестокостяхъ Шумской, то, кажется, нѣтъ основанія полагать, чтобъ они отъказали Прасковьѣ записать и объ этомъ способѣ истязанія, еслибы только она о немъ говорила. А если такъ поступала съ ней Шумская, то еще труднѣе допустить, чтобъ Прасковья умолчала объ этомъ при слѣдствіи. Не видимъ мы по дѣлу и покушенія на самоубійство со стороны Прасковьи, о чемъ также рассказываетъ г. Словскій. Между обѣщаніемъ утопиться или зарѣзаться и покушеніемъ привести въ исполненіе это обѣщаніе, большая разница. Но за то, посмотрите, какая вышла у г. Словскаго эффектная картина: братъ силою останавливаетъ бѣгущую топиться сестру, осматриваетъ истерзанную щипцами грудь и вызывается убить Шумскую, а сестра, только послѣ долгихъ убѣжденій, соглашается на вызовъ брата!

Въ дѣйствительности было не такъ. Много и долго нужно было уговаривать Василья Антонова, чтобъ онъ, наконецъ, рѣшился исполнить давнишнюю мечту Прасковьи — убить Шумскую, и что не подъ однимъ влияніемъ сестры изъ него выработался убійца. Василій и согласился-то на убійство только подъ условіемъ, чтобъ сестра объ немъ не сказывала, а приняла преступленіе на себя. Предъ совершеніемъ убійства, не всѣхъ услала изъ дому Прасковья, какъ сказано у г. Словскаго, услала только Аксиною, прочія, должно быть, еще сидѣли въ едикулѣ, для смиренія.

Не видно также ни откуда, чтобъ Прасковья—какъ о томъ повѣствуетъ г. Словскій: заперла брата въ комнатѣ Шумской, проведя его для убійства. Она была тутъ же при братѣ и вынесла собаку, которая было-залаяла.

Не самъ объявилъ о совершеніи имъ убійства поваренокъ Василій, какъ рассказываетъ г. Словскій, рисуя опять сцены съ поваромъ, а потомъ съ дворней и сестрой. Въ день убійства, на Василья никто не доказывалъ и онъ представилъ изъ себя лицо, непричастное къ дѣлу: изготавилъ кутью и, съ обычными поклонами, поставилъ предъ умершей. Пусть-де сестра будетъ одна въ отвѣтъ. Его уличили, при слѣдствіи,

забытый имъ въ комнатѣ ножъ и оказавшіеся на немъ самомъ слѣды совершенія преступленія.

Казначей Иванъ Пухтя, въ числѣ прочихъ, былъ наказанъ кнутомъ и сосланъ въ Сибирь. У г. Словскаго сначала Пухтя, а потомъ Пухтя, графскій лакей, на котораго заглядывалась безуспѣшно сама Настасья, несчастный любовникъ. Онъ попадаетъ въ солдаты и, только чрезъ нѣсколько лѣтъ, узнаетъ объ убійствѣ Шумской.

Есть еще у г. Словскаго барскій камердинеръ Ясныга; онъ, будто бы, завѣдуетъ деньгами Аракчеева и даетъ Шумской изъ кассы тысячу рублей, чтобъ послать любовнику. Побоялась Шумская, чтобъ Ясныга не выдалъ ее графу, да тайно зарѣзала его бритвой, соннаго и пьянаго; а слухъ, потомъ, пошолъ въ народѣ, что Ясныга самъ зарѣзался.

Мы видѣли, что изъ дворовыхъ зарѣзался дворецкій Стромилловъ, котораго, по приказу Шумской, дважды наказали въ одинъ день и, сверхъ того, Шумская пригрозила, что пожалуется на него графу.

Въ злобѣ своей Шумская, повидимому, дѣйствовала открыто, и всегда находила возможность удовлетворять свое мщеніе. Къ чему было называть на Шумскую еще тайное убійство?

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Неимѣя пока подъ рукою свѣдѣнія объ окончательномъ рѣшеніи дѣла о губернаторѣ Жеребцовѣ, мы, однакожъ, имѣемъ полное основаніе полагать, что участь Жеребцова была смягчена и онъ въ Сибирь сосланъ не былъ. 19 іюля 1831 года былъ разосланъ изъ сената по присутственнымъ мѣстамъ печатный указъ, въ которомъ Жеребцовъ съ членами новгородской уголовной палаты подвергнуть отвѣтственности по другому дѣлу.

Для большаго еще ознакомленія съ тѣмъ, насколько были основательны обвинительные приговоры уголовной палаты, утверждавшіеся Жеребцовымъ, мы считаемъ необходимымъ привести здѣсь и обстоятельства дѣла, за которое Жеребцовъ съ палатою подверглись опубликованію.

3 октября 1825 года, въ деревнѣ Харлушинѣ, гдѣ находился Никольскій удѣльный приказъ, праздновался храмовой праздниѣ. По этому случаю, у волостного головы Николая Никитина, который жилъ въ домѣ приказа, были въ гостяхъ крестьяне: удѣльный, деревни Руси, Иванъ Боярскій и экономическій, деревни Рябова, Семень Подгорный. Ушли они отъ Никитина въѣсть, оба хмѣльные, и, по выходѣ ихъ, Никитинъ услыхалъ въ снѣгахъ ступъ. Выбѣжавъ изъ избы еще съ однимъ гостемъ, онъ увидаль, что Боярскій лежитъ на мосту съ разбитымъ лицомъ. Боярскаго подняли и увели въ избу. Тамъ онъ и ночеваль, а на другой день пьянствовалъ въ кабацѣ и поилъ другихъ; затѣмъ, 5-го октября захвораль, а 10-го померъ. Больной Боярскій разсказываль священнику, его напутствовавшему, женѣ своей и 9 челоуѣкамъ, что Подгорный, при выходѣ изъ дома Никитина, столкнулъ его съ лѣстницы,—

а она была вышиною въ $3\frac{1}{2}$ аршина, — по не объявилъ, чтобъ между ними была драка, или ссора, да этого по дѣлу и не обнаружено.

Подгорный объяснилъ, что, при выходѣ отъ Никитина, они оба были пьяны, такъ что не помнитъ, пошатнулся ли на Боярскаго, и отъ него ли, или самъ собою Боярскій упалъ съ крыльца и разбилъ лицо, и какъ они между собою разстались.

Врачъ, по свидѣтельствуваніи, 19-го октября, трупа Боярскаго удостовѣрилъ, что у него грудь, легкое и печенька, отъ бывшей издавна чахотки, повреждены и обратились въ гнилость, и что смерть послѣдовала отъ паденія съ чего-нибудь высокаго и стяхнутія болѣзненныхъ внутренностей.

Новгородская уголовная палата признала Подгорнаго виновнымъ въ столкнутіи Боярскаго съ крыльца; хотя это и сдѣлано имъ не съ намѣреніемъ на убійство, но какъ отъ того, при болѣзни Боярскаго, онъ былъ причиною смерти, то, 18 мая 1826 года, приговорила Подгорнаго, наказатъ плетьюми, 50 ударами, а потомъ, для очищенія совѣсти, предать его церковному покаянію; въ удовлетвореніе же за Боярскаго взыскать съ экономической Кожевской вотчины, въ пользу удѣльнаго никольскаго приказа, 2000 рублей.

Губернаторъ Жеребцовъ утвердилъ приговоръ и Подгорный вытерпѣлъ наказаніе плетьюми, а потомъ жаловался сенату на неправильность осужденія высказывая, что, для удовлетворенія удѣла за умершаго Боярскаго, осеквестровано имѣніе его и семья.

Сенатъ не нашелъ въ дѣлѣ законныхъ доказательствъ къ уликѣ Подгорнаго, такъ какъ никто не видалъ лично происходившаго между Боярскимъ и Подгорнымъ, и принялъ на видъ, что между Подгорнымъ и Боярскимъ не было ни вражды, ни драки, что чахоточной Боярскій, притомъ хмѣльной, самъ могъ упасть съ лѣстницы, и умеръ въ 7-й день послѣ этого случая. Поэтому, сенатъ призналъ Подгорнаго безвинно потерпѣвшимъ наказаніе и полагалъ, не ставя его въ порокъ Подгорному, возвратитъ ему честное имя; въ вознагражденіе же потерпѣннаго Подгорнымъ наказанія взыскать въ его пользу съ членовъ новгородской уголовной палаты, подписавшихъ о немъ приговоръ, и бывшаго гражданскаго губернатора Жеребцова, за каждый ударъ по пяти рублей, всего 250 рублей. Заключение уголовной палаты о взысканіи съ вотчины за Боярскаго 2000 рублей, какъ неправильное, отмѣнить.

Опредѣленіе сената было высочайше утверждено.

А. Г. Пупаревъ.